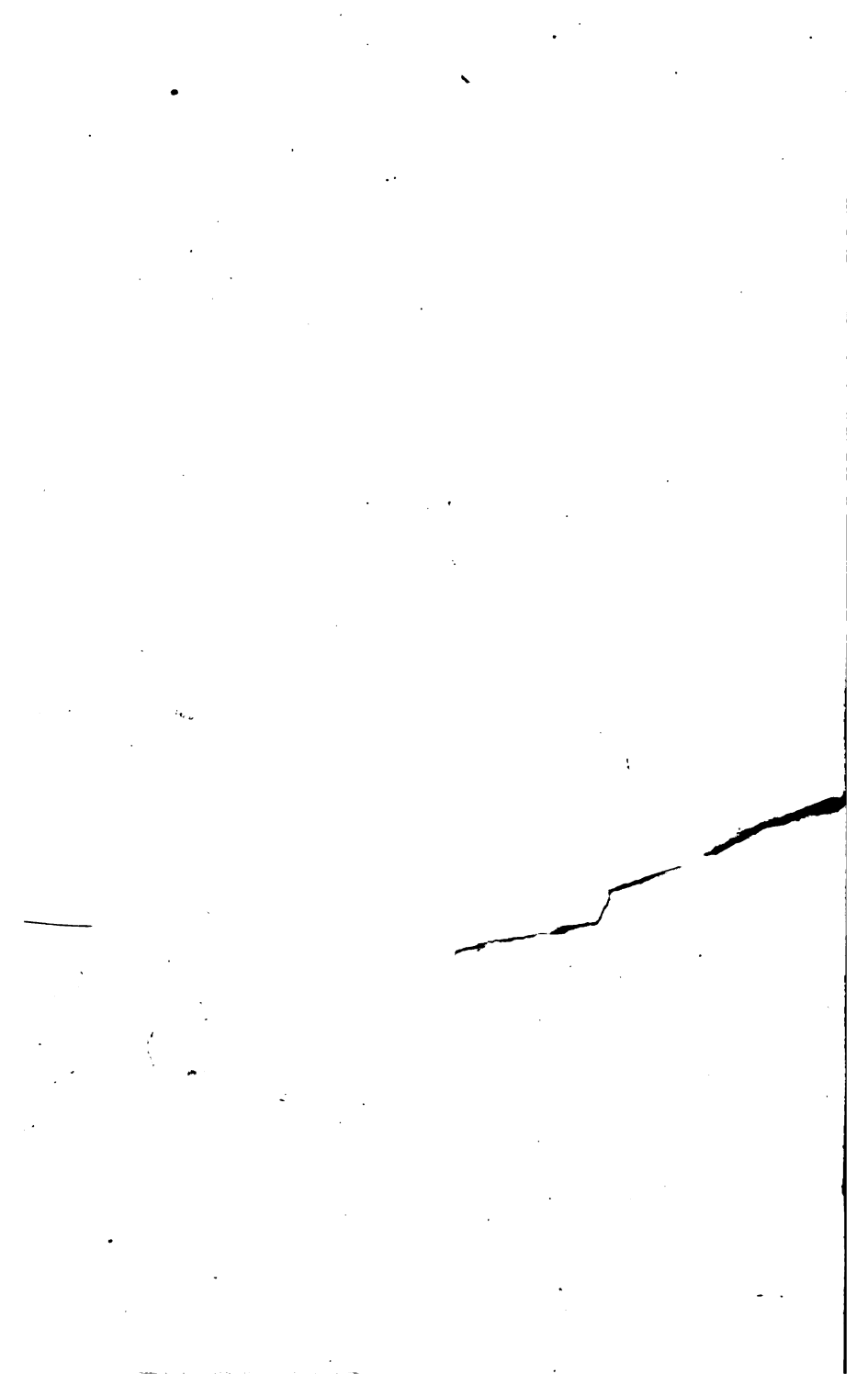

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

РОБИНЗОНА КРУЗО.

Life & adventures
ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

Robinson *Crispin*
РОБИНЗОНА КРУЗО.

съ 11-ю ПОЛИТИПАЖАМИ ВЪ КРАСНѢ.
with cuts in text

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. В. МОРОЗОВА.

1880.

Дозволено цензурою Москва. 27 Июля 1879 года.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, домъ Каринской.

ГЛАВА I.

Происхождение Робинзона. Его страсть къ путешествіямъ. Бѣгство изъ родительскаго дома. Отъѣздъ въ Гвинею. Кораблекрушеніе.

Дружба съ капитаномъ. Прибытіе въ Гвинею.

Кто изъ васъ, мои маленькіе друзья, не слыхалъ разсказовъ о Робинзонѣ Крузо? Вы очень часто видали на картинахъ этого бѣднаго Робинзона, съ его длинной бородой, одѣтаго въ камзолъ, панталонахъ и башмакахъ, сшитыхъ изъ козьей кожи, а рядомъ съ нимъ его вѣрнаго слугу, Пятницу, его собаку, кошку и попугая. Этотъ несчастный Робинзонъ — я. Исторія моя занимательна, какъ исторія мальчика, который испыталъ множество злополучій за то, что не слушался родительскихъ совѣтовъ. Слушайте же эту исторію и пусть она послужитъ вамъ урокомъ.

Отецъ мой былъ уроженецъ германскаго города Бремена. Фамилія его было Крейцнеръ. Оставивъ Бременъ, онъ поселился въ Англіи, въ городѣ Йоркѣ, гдѣ посредствомъ торговли приобрѣлъ себѣ значительное состояніе и женился на дѣвицѣ Робинзонъ, происходившей изъ одного изъ самыхъ значительныхъ торговыхъ домовъ въ Йоркѣ. Я же назывался соединеннымъ именемъ обоихъ моихъ родителей: Робинзономъ Крейцнеромъ; но англичане, которые имѣютъ обыкновеніе

3710
782
394529105

JAN 2 '24
Gen. Sec.
In care.

портить въ выговорѣ имена, прозвали меня Робинзонъ Крузо. Это имя навсегда осталось за мною, и подъ нимъ я былъ извѣстенъ какъ моимъ товарищамъ, такъ и всѣмъ знакомымъ.

Всѣхъ насъ у отца было трое. Одинъ братъ былъ адъютантомъ знаменитаго полковника Локарта. Онъ былъ убитъ въ сраженіи англичанъ съ испанцами близъ Дюнкараена. — Второго брата я не помню, потому что родился въ 1632 году, т. е. спустя почти 5 лѣтъ послѣ его отъѣзда въ Америку, откуда онъ не возвращался болѣе.

Съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ вспоминаю я о времени моего дѣтства и юношества. Отецъ заботился обо мнѣ и довольно хорошо училъ меня. Тамъ какъ онъ желалъ чтобъ я сдѣлался адвокатомъ, то и отдавалъ меня въ самыя лучшія училища, и я могъ бы быть совершенно счастливымъ человекомъ, еслибы слушался отца; но ученье наводило на меня скуку и не могло искоренить моего страстнаго желанія — оставить домъ родительскій, путешествовать по свѣту и искать приключеній.

Нельзя было скрыть того отъ отца, что я думалъ и что дѣлалъ: моя страсть къ путешествіямъ очень ясно высказывалась. Отецъ мой каждый день совѣтовалъ мнѣ, чтобы я не покидалъ родительскаго дома и оставался въ томъ состояніи, въ которомъ рожденъ и въ которомъ могу провести всю жизнь спокойно и въ изобиліи. «Сынъ мой», говорилъ мнѣ старикъ отецъ, «въ путешествіе вдаются только люди честолюбивые или обремененные бѣдностію; но ты принадлежишь къ среднему классу общества и не будешь нуждаться ни въ почестяхъ, ни въ богатствѣ, потому что отечество твое можетъ поставить тебя главою низшаго сословія». Много мнѣ подалъ совѣтовъ отецъ и указалъ наконецъ на посту-

покъ моего брата, который противъ воли родительской уѣхалъ въ Америку и, вѣроятно, погибъ тамъ. Отецъ горько плакалъ, говоря о моемъ братѣ. Эти слезы тронули меня, и я рѣшился оставить свое неблагоразумное намѣреніе; но прошло нѣсколько дней, и я опять предался моей завѣтной мысли — путешествовать по свѣту.

Однажды я обратился къ моей матери съ просьбою, чтобы она испросила разрѣшеніе у отца на мое путешествіе. Я выразилъ ей несообразность моего восемнадцатилѣтняго возраста для того, чтобы вступить въ ученики какого-нибудь торговаго дома или въ прокурорскіе писцы.

Мать сначала даже и слушать этого не хотѣла и уговаривала не покидать ее и отца въ старости; но наконецъ, видя мое твердое намѣреніе, рѣшилась передать отцу мою просьбу. Отецъ наотрѣзъ отказалъ, прибавивъ: «я нисколько не одобряю путешествія нашего сына, ничѣмъ не помогу ему, такъ какъ на это нѣтъ родительскаго согласія и онъ будетъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ».

Прошелъ цѣлый годъ; а я все еще оставался дома, мало, или лучше сказать, вовсе не занимался тѣми дѣлами, къ которымъ приучалъ меня отецъ, и непрестанно мечталъ о путешествіяхъ.

Однажды, отправившись въ Гѣлль, небольшой городокъ, лежащій недалеко отъ Йорка, встрѣтилъ я тамъ одного изъ прежнихъ моихъ товарищей, который возвращался въ Лондонъ на корабль своего отца. Товарищъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Лондонъ. Я, страстно привязанный по наслышкѣ къ удовольствіямъ путешествія, съ восторгомъ принялъ это предложеніе и какъ былъ, безъ всякихъ приготовленій, почти безъ денегъ, взомелъ на корабль моего друга.

Едва мы оставили портъ, какъ поднялся ужасный вѣтеръ и море стало страшно волноваться. Я испугался и, вспомнивъ о своемъ неблагоразумномъ поступкѣ противъ отца, сокрушался сердечно о томъ, что Господь караетъ весь экипажъ изъ-за меня одного, какъ заблудшаго и неблагодарнаго сына. Буря болѣе и болѣе увеличивалась, и съ нею вмѣстѣ усиливалось мое раскаяніе. Я внутренно соглашался съ отцемъ, что домашняя жизнь лучше этого бурнаго моря съ его опасностями, и далъ обѣщаніе, что если Господь спасетъ меня, то возвращусь къ отцу моему и буду слушаться его совѣтовъ.

Находясь въ опасности, я положилъ твердое намѣреніе — оставить путешествіе, но когда опасность миновала, я, къ несчастію своему, перемѣнилъ это намѣреніе. Къ вечеру прояснилось небо и морѣ стало тихо. Товарищъ мой смѣялся надо мною, упрямалъ меня въ трусости; наконецъ онъ ободрилъ меня хорошимъ ромомъ и водкою такъ, что я пересталъ уже раскаяваться и желалъ опять путешествовать по морю.

Спустя шесть дней послѣ этого, судьба послала мнѣ въ наказаніе вторую бурю, ужасы которой нельзя и сравнить съ ужасами первой. Все небо обложилось тучами, бушевалъ сильный вѣтеръ, сверкала молнія и гремѣлъ громъ непрестанно. Эта буря такъ долго продолжалась и съ такою силою, что корабль нашъ преданъ былъ на валу бушующихъ волнъ, и носился по морю съ разорванными парусами и сломанными мачтами. Матросы пришли въ уныніе. Я самъ слышалъ, какъ говорилъ одинъ корабельщикъ: «Боже! сжался надъ нами, не допусти насъ погибнуть». Опасность еще болѣе увеличилась, когда въ трюмѣ оказалась течь. Вода въ немъ прибывала все болѣе и болѣе, не смотря на всѣ

усилія матросовъ и пассажировъ выкачивать ее нососами, корабль все глубже погружался въ воду. Опасность была близка и велика; намъ оставалось къ спасенію одно только средство — пересѣсть на лодки, что мы и сдѣлали. Довольно долгое время мы носились по волнамъ на произволъ судьбы, потому что весла нисколько не помогали намъ противъ свирѣпствовавшего вѣтра. Какъ хорошо и благоразумно мы сдѣлали, что пересѣли на лодки! не прошло и получаса послѣ этого, какъ корабль нашъ совершенно погрузился въ воду. Къ счастью нашему, вѣтеръ нѣсколько поутихъ; матросы работали ~~неутомимо~~, и тѣмъ болѣе, что видѣли группу людей, ожидавшихъ насъ на берегу. Наконецъ намъ удалось хотя съ большими усиліями и не безъ опасностей, пристать къ берегу.

Тамъ мы были приняты радушно: намъ дали квартиру и нужную сумму денегъ для возвращенія нашего въ Лондонъ или Гелль. Я, неопытный молодой человекъ, замученный путешествіемъ и страхомъ опасностей, въ изорванномъ рубищѣ принужденъ былъ отправиться въ Лондонъ пѣшкомъ. Теперь тѣ самые, которые прежде поощряли и уговаривали меня къ путешествіямъ по морю, видя во мнѣ столь мало постоянства и силы, начали отсовѣтывать мнѣ и говорили, чтобы я возвратился въ домъ отца моего; но я не обратилъ никакого вниманія на ихъ совѣты. Страсть путешествовать по морямъ такъ сильно овладѣла мною, что я, хотя и находился въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, но не рѣшался идти въ Гелль или Йоркъ.

Я колебался нѣсколько времени въ своихъ мысляхъ: мнѣ не хотѣлось дамой, и въ тоже время я боялся по слабости своей спуститься далѣе въ море. Какъ я сожалѣлъ, что не

изучать мореплавательнаго искусства до степени матроса: теперь я былъ-бы капитаномъ или лейтенантомъ. Я думалъ нажить себѣ состояніе, и съ этой мыслию присоединился къ числу пассажировъ, отправляющихся къ берегамъ Гвинеи.

Хозяинъ того Корабля, на которомъ я долженъ былъ отправиться въ Африку, очень полюбилъ меня, и такъ очаровалъ меня своимъ живымъ характеромъ и моею смышленностію, что обѣщался довести меня до назначеннаго мѣста, совершенно безъ всякой платы. Онъ совѣтовалъ мнѣ употребить небольшую сумму денегъ на покупку разныхъ галантерейныхъ вещей, потому что эти вещи можно продать съ большою выгодною на берегахъ гвинейскихъ. Я послушался этого совѣта и, съ помощію нѣкоторыхъ моихъ родственниковъ и знакомыхъ, собралъ около сорока фунтовъ стерлинговъ, купилъ на нихъ разныхъ не дорогихъ вещей, которыя впоследствии продалъ въ Гвинѣю и выручилъ за нихъ триста фунтовъ стерлинговъ. Въ продолженіи путешествія нашего въ Африку, я заслужилъ у капитана не только его расположеніе ко мнѣ, но и полную довѣренность отъ него. Я часто бывалъ въ его каютѣ, разговаривалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ, и во время этихъ бесѣдъ пріобрѣлъ отъ него довольно много познаній въ математикѣ, мореплаваніи и астрономіи.

Распростившись съ моимъ добрымъ капитаномъ на берегахъ Гвинеи, я занялся торговлею, и скоро распродалъ тамъ привезенныя со мною вещи, которыя состояли большею частію изъ стекляруса, разныхъ мелкихъ стальныхъ и желѣзныхъ инструментовъ и тому подобныхъ предметовъ. Отъ этой продажи, какъ было выше сказано, я выручилъ триста фунтовъ стерлинговъ.

~~~~~

ГЛАВА II.

Вторичная поѣздка Робинзона. Нападеніе морскаго разбойника. Робинзонъ дѣлается невольникомъ и отвезенъ въ Сале. Тамошняя жизнь его. Бѣгство Робинзона и избавленіе отъ неволи.

Описанная мною поѣздка окончилась очень благополучно для меня; но это самое благополучіе, а также и барышъ, полученный мною на гвинейскихъ берегахъ отъ привезеннаго мною товара, побудили меня вторично отважиться на путешествіе по морю, и притомъ еще на довольно плохомъ кораблѣ. Въ эту поѣзду я не имѣлъ прежняго счастья, и мнѣ пришлось испытать превратность судьбы.

Между Канарскими островами и Африкою, на разсвѣтѣ дня, вдругъ появилось изъ Сале разбойническое судно, и на всѣхъ парусахъ погналось за нашимъ кораблемъ. Хозяинъ корабля, видя эту погоню, заблагоразсудилъ, что лучше и безопаснѣе будетъ: — убѣжать отъ разбойниковъ, нежели имъ сопротивляться: потому что разбойническое судно было хорошо вооружено и имѣло многочисленный экипажъ. Онъ со всевозможною быстротою, на всѣхъ парусахъ, пустился въ бѣгство; но и это не спасло его отъ рукъ непріятельскихъ. Турецкій каперъ продолжалъ неумоимо гнаться за нашимъ кораблемъ даже до третьяго часа по полудни, и

наконецъ подошелъ къ нему на столь близкое разстояніе, что для спасенія нашего необходимо было нужно готовиться къ оборонѣ. Разбойники хотѣли напасть на нашъ корабль съ задней его части. Раздался пушечный выстрѣлъ съ капера, но онъ былъ невѣрно направленъ, и ядро попало въ правый бокъ нашего корабля. На этотъ выстрѣлъ мы отвѣчали залпомъ изъ восьми пушекъ. Началась сильная обоюдная перестрѣлка какъ изъ пушекъ, такъ и изъ оружей, и продолжалась довольно долгое время. Перевѣсъ битвы былъ на сторонѣ разбойниковъ, и они, въ числѣ шестидесяти чело-вѣкъ, бросились на нашъ корабль и порубили на немъ всѣ мачты и корабельныя снасти. Какъ ни храбро мы сопротивлялись, но должны были покориться силѣ: корабль нашъ сдался, я и всѣ находившіеся на кораблѣ сдались плѣнниками и отвезены были въ Сале.

Можетъ быть, что кто-нибудь изъ читателей подумаетъ, что меня ожидала горькая участь въ этомъ плѣну; но тотъ очень ошибется въ этомъ предположеніи: здѣсь мнѣ была жизнь довольно хорошая и свободная. Правда, мнѣ было не очень-то пріятно сдѣлаться изъ купца и вольнаго чело-вѣка рабомъ и плѣнникомъ; но однако меня не отправили на продажу вмѣстѣ съ другими моими товарищами въ столицу Морокского императора. Начальникъ разбойническаго судна оставилъ меня при себѣ для разныхъ прислугъ ему

Новое положеніе мое, хотя и было довольно сносно, но все-таки не очень-то нравилось мнѣ, и я сталъ думать о побѣгѣ. Я предполагалъ, что хозяинъ мой непременно будетъ меня брать съ собою на разѣзды по морю; я мечталъ, что разбойникъ рано или поздно, а попадется какому нибудь европейскому кораблю, испанскому или португальскому, и что

тогда я получу свободу. Но случилось не такъ, какъ я надѣялся. Хозяинъ мой никогда не бралъ меня съ собою въ море, и не встрѣчался ни съ какими испанскимъ или португальскимъ судномъ. Я оставался въ неволѣ, и принужденъ былъ сидѣть дома, обрабатывать землю въ садахъ пирата и смотрѣть за всѣмъ хозяйствомъ его. Когда же каперъ возвращался изъ моря домой, мнѣ надлежало спать на немъ въ коютѣ и сберегать его.

Проводя ночи въ этой коютѣ, я часто думалъ о побѣгѣ; но сколько не придумывалъ къ этому средствъ, всѣ они оказывались или весьма неудобными или совершенно невозможными. Если бы у меня былъ товарищъ, который зналъ бы англійскій или нѣмецкій языкъ, то мы съ нимъ вдвоемъ могли-бы какъ нибудь привести въ исполненіе это предпріятіе; самъ же я одинъ не осмѣливался ни на какое предпріятіе, и такимъ образомъ долженъ былъ провести цѣлые два года въ неволѣ и не имѣть ни какой надежды на свое избавленіе.

Наконецъ представился мнѣ удобный случай къ побѣгу. Хозяинъ мой, къ его несчастію, а къ моему счастью, не имѣя денегъ для вооруженіе своего капера, не выѣзжая долгое время въ море, оставался дома. Надобно замѣтить, что онъ былъ страстный охотникъ до рыбной ловли. Теперь, по неволѣ прекративъ войну съ людьми, онъ вознамѣрился воевать съ рыбами, и по нѣскольку разъ въ недѣлю выѣзжалъ на ботѣ въ море и ловилъ рыбу. Я и еще одинъ молодой арабъ были его всегдашними спутниками, этотъ арабъ былъ очень искусенъ и проворенъ въ рыбной ловлѣ, и хозяинъ нашъ имѣлъ къ нему столько довѣрія, что

иногда посылалъ его одного съ своимъ родственникомъ на рыбную ловлю.

Однажды мы втроемъ т. е. я, хозяинъ и арабъ отправились въ море ловить рыбу. Было тихо и ясно; но вдругъ глубокой сѣрый туманъ облегъ насъ и такъ былъ густъ, что мы не могли уже видѣть береговъ, хотя отъ нихъ отъѣхали только на небольшое разстояніе. Цѣлый почти день мы ловили рыбу, и когда туманъ нѣсколько разсѣялся, мы къ удивленію своему увидали, что отделились отъ берега на цѣлую милю. Поспѣшно принялись мы грести веслами, чтобы скорѣе добраться до дому, потому что началъ подыматься вѣтеръ и на небѣ появились тучи. Хотя мы благополучно возвратились на твердую землю, но чрезвычайно голодные и усталые.

Съ этого самаго времени нашъ хозяинъ никогда не выезжалъ на ловлю безъ компаса и сѣстныхъ припасовъ. Онъ приказалъ придѣлать къ этому большому боту, на которомъ мы ловили рыбу, каюту и разные ящики для поклажи водки, рому, сарачинскаго пшена, кофе и разныхъ другихъ сѣстныхъ припасовъ.

Однажды хозяинъ нашъ задумалъ выѣхать на этомъ ботѣ для прогулки съ нѣсколькими арабами, знакомыми его, которыхъ онъ приглашалъ къ себѣ въ этотъ день. Ожидая гостей, онъ велѣлъ запастись множествомъ разныхъ припасовъ, взять три ружья, нѣсколько фунтовъ пороху и свинцу, чтобы ему съ гостями можно было стрѣлать птицъ, когда рыбная ловля имъ наскучитъ. Все это, по приказанію его, было снесено на ботъ и положено въ разные ящики.

Долго ждалъ пиратъ своихъ гостей, наконецъ получилъ отъ нихъ извѣстіе, что они не могутъ быть у него въ этотъ

день. Тогда онъ велѣлъ мнѣ ѣхать въ море съ его сродникомъ и молодымъ арабомъ, и прибавилъ: «смотри, постарайся больше наловить рыбы, потому что у меня сегодня будетъ ужинать много друзей моихъ».

Я рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ и избавиться отъ плѣна. Я просилъ у сродника хозяйскаго позволенія положить на боть коробъ съ сухарями и нѣсколько бутылокъ со свѣжей водой. «Не смѣй», говорилъ я ему, прикоснуться, по законамъ Востока, къ яствамъ моего господина; но что же я буду ѣсть, если мы по несчастію опять далеко удалимся отъ земли? «Я также совѣтовалъ ему взять съ собою два ружья и пороху со свинцомъ, чтобъ можно было на морѣ настрѣлять птицъ. Онъ, не подозрѣвая меня ни въ чемъ, исполнилъ мое желаніе. — Сверхъ всего этого, я тайно снесъ въ каюту бота топоръ, нѣсколько воску, веревокъ и проч. что только мнѣ попало подъ руку.

Наконецъ мы отправились въ море, и, на разстояніи одной мили отъ гавани, начали ловить рыбу. Я уговаривалъ араба отѣхать еще далѣе, потому что тутъ мало водилось рыбы. Арабъ послушался и мы отплыли на такое разстояніе, что уже не было видно гавани. Сродникъ пирата находился на передней части бота и любовался моремъ. Я отдалъ молодому арапу весла, а самъ подошелъ къ сроднику моего господина, показывая видъ, что ищу чего-то. Онъ стоялъ задомъ ко мнѣ. Я схватилъ его за ноги и бросилъ въ море. Къ счастью Мюлли (такъ звали его)*) плавалъ какъ рыба; онъ скоро вынырнулъ изъ воды и, подплывъ къ борту, убѣдительно просилъ меня, чтобы я взялъ его на боть.

---

*) Мюлли — уменьшительное имя Измаила.